

DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.007

УДК: 811.512.141'276

Фитонимы арабо-персидского происхождения в башкирском языке и его диалектах*

З.Н. Экба

Институт языкознания РАН, г. Москва, Российская Федерация
zaremaekba@iling-ran.ru

Аннотация. В статье впервые анализируются названия растений арабо-персидского происхождения в башкирском литературном языке и его диалектах в их соотношении с данными других тюркских языков. Целью работы является классификация данной группы заимствований, а также определение хронологических границ вхождения этих лексических единиц в тюркские языки. В работе проводится выявление и систематизация заимствованных фитонимов в башкирских диалектах и говорах, сопоставление их с литературным языком, сравнительный анализ с другими тюркскими языками, а в ряде случаев с другими языками алтайской языковой семьи, а также этимологический анализ фитонимов. В статье использованы лексико-семантический и описательный метод, метод структурного анализа, метод сравнительно-сопоставительного анализа, метод диахронического анализа, этимологический метод. В результате предложена классификация фитонимов, содержащая три группы лексем: 1) фитонимы, употребляемые только в литературном башкирском языке; 2) фитонимы, названиями которых в диалектах являются арабо-персидские заимствования, а в литературном языке им соответствуют наименования исконного происхождения; 3) фитонимы, в составе которых употребляются наименования мифических персонажей, мусульманских святых, их имена собственные и другие антропонимы. В статье приводится подробный анализ всех групп лексики, определяется этимология и хронологические рамки вхождения большей части заимствованных арабо-персидских названий растений в тюркские языки. Отдельный раздел посвящен корреляции антропонимов с фитонимами в башкирском языке.

Ключевые слова: тюркские языки, башкирский язык, диалекты и говоры башкирского языка, арабо-персидские заимствования, фитонимы (названия растений), антропонимы

Для цитирования: Экба З.Н. Фитонимы арабо-персидского происхождения в башкирском языке и его диалектах // Северо-Восточный гуманитарный вестник. №2(43). 2023. С. 89–103. DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.007

Phytonyms of Arab-Persian Origin in the Bashkir Language and its Dialects

Z.N. Ekba

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
zaremaekba@iling-ran.ru

Abstract. The article analyzes for the first time the names of plants of Arab-Persian origin in the Bashkir literary language and its dialects in their relationship with the data of other Turkic Languages. The aim of the work is to classify this group of borrowings, as well as to determine the chronological boundaries of the occurrence of these lexical units

*Автор выражает огромную благодарность д.ф.н., проф., чл.-корр. РАН Анне Владимировне Дыбо за консультацию при работе над статьей.

in the Turkic Languages. The paper identifies and systematizes borrowed phytonyms in Bashkir dialects and dialects, compares them with the literary language, comparative analysis with other Turkic Languages, and in some cases with other languages of the Altai language family, as well as etymological analysis of phytonyms. The article uses the lexical-semantic and descriptive method, the method of structural analysis, the method of comparative analysis, the method of diachronic analysis, etymological method. As a result, a classification of phytonyms containing three groups of lexemes is proposed: 1) phytonyms used only in the literary Bashkir language; 2) phytonyms whose names in dialects are Arabic-Persian borrowings, and in the literary language they correspond to the names of the original origin; 3) phytonyms, which include the names of mythical characters, Muslim saints, their proper names and other anthroponyms. The article provides a detailed analysis of all groups of vocabulary, determines the etymology and chronological framework of the occurrence of most of the borrowed Arabic-Persian names of plants in the Turkic Languages. A separate section is devoted to the correlation of anthroponyms with phytonyms in the Bashkir Language.

Keywords: Turkic Languages, Bashkir Language, dialects of the Bashkir Language, Arabic-Persian borrowings, phytonyms (plant names), anthroponyms

For citation: Ekba Z.N. Phytonyms of Arab-Persian Origin in the Bashkir Language and its Dialects. In: North-Eastern Journal of Humanities. 2023. №2 (43). Pp. 89-103. DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.007 (In Russian)

I. Введение. В башкирском языкознании есть работы, которые в той или иной степени затрагивают вопросы описания, способов номинации и систематизации фитонимов: [Хисматова, 2005: 3–21], [Шайхулов, 1988: 107–114], [Ягафарова, 2008: 3–128] и др., все они посвящены в основном лексике исконного происхождения. В более широком плане названия растений в тюркских языках (ТЯ) получили освещение в [СИГТЯ, 1997: 103–145], а также в работах А.Г. Шайхулова, [Шайхулов, 1986: 100–124] и Ю.В. Норманской [Норманская, 2008: 119–154].

Что касается арабо-персидских заимствований в башкирском литературном языке, то они довольно подробно исследованы, имеются специальные толковый [Бишев, 2009] и переводной [Экба, 2004] словари. Однако в диалектах эта группа заимствованной лексики никогда не была предметом специального изучения.

В связи с этим нам представляется весьма актуальным полноценный анализ арабо-персидских заимствований в диалектах и говорах башкирского языка на синхронном и диахронном уровнях. Научная новизна работы заключается в том, что в статье впервые анализируются названия растений арабо-персидского происхождения в башкирском литературном языке и его диалектах в их соотношении с данными других тюркских языков и в более широком плане – языков алтайской языковой семьи, а также в плане этимологии. В результате работы получены новые данные в области ареальной

лингвистики, свидетельствующие о влиянии арабского и персидского языков на башкирский и шире – на тюркские языки.

Целью работы является классификация данной группы заимствований, а также определение хронологических границ вхождения этих лексических единиц в тюркские языки. Для осуществления поставленной цели производится полный отбор фитонимов, зафиксированных в словарях, распределение их по лексико-тематическим группам, сравнение этих наименований с литературным башкирским языком, сопоставление с соответствующими лексемами в других кыпчакских языках, а также с языками из других групп тюркских языков (карлукскими и огузскими), в отдельных случаях финно-угорскими и монгольскими языками. Следует отметить, что арабо-персидское влияние на монгольские языки было минимальным, поэтому случаи сопоставления с ними единичны. В работе ставятся задачи систематизации выявленных заимствованных фитонимов в башкирских диалектах и говорах, установление их корреляции с литературным языком, а также данными других тюркских языков, а в ряде случаев с другими языками алтайской языковой семьи, этимологический анализ фитонимов, а также определение хронологических границ вхождения данных заимствований в тюркские языки.

Теоретическая и практическая значимость: в плане сравнительно-исторических исследований удалось проследить вхождение арабо-пер-

сидских заимствований в ТЯ на разных хронологических срезах, для многих лексем впервые выявлена этимология, получены новые данные для диалектологии и ареальной лингвистики. Научные результаты, полученные в процессе решения поставленных задач, могут послужить теоретической основой в ходе исследования других лексико-тематических групп арабо-персидской заимствованной лексики. Материалы исследования могут быть использованы для составления словарей различного типа, лекционных курсов и учебной литературы.

II. Материалы и методы исследования. Источниками для сбора материала послужили следующие словари: «Башкорт теленә диалектары һүзлеге» (Диалектологический словарь башкирского языка) [ДСБЯ, 2002], «Идеографический толковый башкирско-русско-латинский словарь народных названий растений в башкирском языке» [ИТС, 2015] и «Башкорт теленә академик һүзлеге» (Академический словарь башкирского языка) (в 10 томах) [АСБЯ, 2011–2018]. Методом сплошной выборки были выделены названия растений, которые: а) являются названиями рода или вида растения (т.е. мы не включали сюда наименования общего порядка типа «ягода» или «травя»); б) имеют помету «диалектное» в [АСБЯ, 2011–2018] или указание на конкретный диалект или говор в [ДСБЯ, 2002].

Для уточнения толкований отдельных слов или их соответствий в башкирском литературном языке использовались толковый словарь «Башкорт телендә йөрөгән ғәрәп һәм фарсы һүзләре» («Арабские и персидские слова, употребляемые в башкирском языке») [Бейешев, 2009] и переводной «Башкирско-русский словарь слов арабского и персидского происхождения» [Экба, 2004].

В статье предпринята попытка определить хронологические границы заимствований для лексических единиц указанной выше группы. В целях верификации источника заимствования для большинства лексем был проведен этимологический анализ. Слово-источник приводится в круглых скобках в арабской графике с указанием на язык происхождения по [АСБЯ, 2011–2018], в отдельных случаях по [Бейешев, 2009], рядом дается транслитерация на кириллице по этимологическому словарю татарского языка [Ахметьянов, 2004].

В процессе исследовательской работы привлекались научные труды, содержащие (помимо прочих) сведения о названиях растений в памятниках др.-тюрк. письменности: «Диван Лугат ат-Турк» Махмуда Кашгарского [МК, 2005], «Древнетюркский словарь» [ДТС, 2016], «Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века» (На материале «Хосроу и Ширин» Кутба) [Наджип, 2017], Botanica und Zoologica im Babur-name («Ботаника и зоология» в Бабур-Наме) [Hauenschild, 2006].

В статье не рассматривались такие названия растений, содержащие арабский или персидский компонент в составе своего наименования, которые являются кальками с русского языка, т.к. они не являются прямыми заимствованиями.

В работе применялись следующие методы исследования:

– лексико-семантический и описательный (толкование либо описательное значение слов соответствующей группы), а также метод структурного анализа (для определения мотивационных признаков фитонимов);

– метод сравнительно-сопоставительного анализа: к лексемам башкирского языка и его диалектов при наличии приводятся соответствия из других языков кыпчакской группы, а также других групп тюркских и финно-угорских языков с ссылкой на Древнетюркский словарь [ДТС, 2016] и Этимологический словарь татарского языка [Ахметьянов, 2004];

– метод диахронического анализа, с помощью которого отслеживается история вхождения исследуемых лексем в ТЯ в хронологическом порядке на основе анализа памятников др.-тюрк. письменности;

– этимологический метод, для этого мы регулярно обращались к «Этимологическому словарю татарского языка» [Ахметьянов, 2004] как наиболее близкородственного башкирскому, принимая во внимание тот факт, что многие арабо-персидские заимствования в этих языках являются общими. В отдельных случаях использован «Этимологический словарь турецкого языка» [Титце, 2002].

Поскольку своеобразие выявленных лексем не позволяет подчинить их какой-либо из уже имеющихся классификаций, мы предлагаем свою, применимую пока конкретно для этой лексико-тематической группы заимствованных слов.

Так, на основе проведенного анализа нам удалось выделить три самостоятельные группы фитонимов: 1) фитонимы, употребляемые только в литературном башкирском языке; эта группа разделена на три более мелкие лексико-тематические подгруппы: названия плодовых деревьев и их плодов, названия декоративных деревьев и кустарников, названия цветов и трав; 2) фитонимы, названиями которых в диалектах являются арабо-персидские заимствования, а в литературном языке им соответствуют наименования исконного происхождения; сюда относятся 12 самостоятельных подгрупп названий, объединенных по основному заимствованному компоненту; 3) фитонимы, в составе которых употребляются наименования мусульманских святых, имена мифических персонажей и другие антропонимы; в эту группу вошли 10 подгрупп, каждая из которых представлена одним или несколькими названиями, выявленных также на основе общего заимствованного компонента.

В заключительной части статьи приводятся корреляции фитонимов и антропонимов в башкирском языке. Процесс имеет двоякую направленность: некоторые названия растений стали употребляться в качестве антропонимов, а другая часть, напротив, получила свои названия от собственных имен коранических и мифических персонажей.

III. Результаты и обсуждение

1. Фитонимы, употребляемые только в литературном языке. Среди всех названий растений четко выделяется группа фитонимов, употребляемых только в баш. лит. языке – таких названий оказалось 21. Мы разделили их на три более мелкие тематические группы, для каждого термина приводится соответствие в тур. яз. по [БРТС, 1998]. Наши наблюдения показали, что названия этой подгруппы фитонимов идентичны для кыпчакских и огузских языков, соответственно, можно предположить, что это достаточно древние заимствования, приобретенные книжным путем. Для верификации данной гипотезы мы обратились к научным трудам, содержащим (в числе прочих других материалов) сведения о названиях растений в памятниках письменности, таких как: «Диван Лугат ат-Турк» Махмуда Кашгарского [МК, 2005], «Врата истин» А. Югнекского, «Кутадгу Билиг», «Огуз-наме» [ДТС, 2016], «Хосроу и Ширин»

Кутба [Наджип, 2017] и «Бабур-Наме» [Hauenschild, 2006]. Наличие искомым лексем в соответствующих памятниках будет отмечено в тексте работы.

1.1. Названия плодовых деревьев и их плодов

1.1.1. *Анар* (перс. **انار** *anar*) ‘гранат’; тур. *nar*; отмечено в словаре Наджиба в форме **انار** *anar* ‘граната, фрукты’ [Наджип, 2017: IV–389] и в Бабур-наме: *anār* ‘Granatapfel’ [Hauenschild, 2006: 16]; в ДТС указано, что слово встречается в форме *NARA* ‘гранат’ в древнеуйгурском медицинском тексте [ДТС, 2016: 277].

1.1.2. *Дарсен* (перс. **درجین** *darjīn*) ‘корица, кора корицы’; тур. *tarçin*.

1.1.3. *Зэйтун* (ар. **زیتون** *zaytūn*, *zaytūni*) ‘оливковое дерево’; *зэйтунгөл* (*зэйтун* ‘олива’ + *гөл* ‘цветок’) ‘декоративная олива, маслина’ [АСБЯ, 2011–2018: III–634]; тур. *zeytin*; отмечено в Бабур-наме: *zaytūn* ‘eine Ölbaumart’ [Hauenschild 2006: 66].

1.1.4. *Инжир* (рус. < перс. **انجیر** *inǰir*) ‘инжир’; в лит. баш. образует производное *инжир бесэйгойрок* ‘марь смоковницелистная’ (травянистое растение) [ИТС, 2015: 8]; тур. *incir*.

1.1.5. *Канәфер агасы* (ар. **قرفة** *qarfa*) ‘гвоздичное дерево’, ‘сизигиум ароматный’ [АСБЯ, 2011–2018: VII–859]; *канәфер* ‘гвоздика’ (специя из засушенных цветков этого дерева); тур. *karanfil*.

1.1.6. *Тут* (ар. **توت** *tut*), в [СИГТЯ, 1997: 136] указано перс. происхождение слова – ‘тутовое дерево, шелковица’; слово отмечено в словаре Наджиба: **توت** *tut* ‘тутовник’, **توتی** *tuti* ‘тутовое дерево’, ‘шелковица’, ссылаясь на Будагова, пишет: «**توت** *tut*, **تود** *tud*, **توت** *tut* с пом. перс., восходит к араб. **توت** *tut* ‘шелковица’, ‘тут’, **توت اغایی** *tut agacy* ‘шелковичное дерево’; **قرفة توت** *qarfa tut* ‘дикая шелковица’, ‘ежевика’; представляется *қара тут* иначе **شاہ توت** *shaḥ tut* ‘сорт очень сладкого тута черного цвета’, по персидски **توت سیاه** *tuti siyah* ‘черный тут’; тур. *dut*, аз., турк., узб. *tut*; в узб. еще *балиқ тут* или *балхи тут* ‘белая шелковица, вид тутовника с крупными белыми сладкими плодами’; *қўноқ тут* ‘дикорастущий тутовник’; *шо тут* ‘черная шелковица’; *марварид тут* ‘сорт шелковицы, имеющий мелкие, сладкие, поздно созревающие плоды’; *ер тут* ‘клубника’; уйг. кроме *tut* еще *чиқир* *üzüm*; тат., баш., каз., карач. балк., ног., кум. *tut*; кир. *тыт*; к-калп. *tut*, *науқал тут* [Наджип, 2017:

II–193]; отмечено также в Бабур-наме: *tūt* ‘Maulbeerbaum’ [Hauenschild, 2006: 62].

1.1.7. *Хөрмә* (перс. *خرما* *хурма*) ‘финик/ финиковый’; тур. *hurma* ‘финик’, *trabzon hurması* ‘хурма’; отмечено в Бабур-наме: *hurma* ‘Dattelpalme’ [Hauenschild, 2006: 32].

1.1.8. *Шафран* (перс. *شفران* *шафран*) ‘шафран’ (сорт яблони и ее плодов); *safran* / *safran elması* ‘шафран’.

1.1.9. *Шафталы* / *шафтале* (перс. *شفتال* *шафтал*, *шафтали*) ‘персик / персиковый’; тур. *şeftali* ‘персик’; отмечено в Бабур-наме: *şaftālū* ‘Pfirsich’ [Hauenschild, 2006: 59].

1.1.10. *Әлү* (перс. *آلو* *алү*) ‘алыча / алычовый’, тат. *әлү*, *әлүн* ‘слива’; тур. *alaca erik* ‘алыча’; самое древнее из рассматриваемых нами заимствований, зафиксировано у Махмуда Кашгарского (XI в): ALUÇ бот. ‘алыча’ (*Prunus divaricata* Led.), а также производное от него (?) [МК, I 138]: ALUČĪN ‘съедобное растение с коленчатым стеблем’ [ДТС, 2016: 44]; отмечено также в Бабур-наме: *ālū* ‘Hanspflaume’, *ālūča* ‘Kirschplame’ [Hauenschild, 2006: 12].

1.2. Названия декоративных деревьев и кустарников

1.2.1. *Дәфнә* (перс < ар. *دفن* *дәфнә*) ‘лавровишня’ [АСБЯ, 2011–2018: III–478]; тат. *дәфнә* ‘олеандр, лавр’; первоначально восходит к греч. имени Дафна [Ахметьянов, 2004: I–176]; в БЯ образует производное *дәфнәсейә* ‘лавровишня’ (*дәфнә* ‘лавр’ + *сейә* ‘вишня’) [ИТС, 2015: 198]; другое производное *хамедафне* ‘род растения семейства вересковых, состоящих из одного вида’, очевидно, является калькой с русского (из лат. *Chamaedaphne*) [ИТС, 2015: 19]; тур. *defne*.

1.2.2. *Зәккүм* (ар. *زقوم* *зәкүм*) [ИТС, 2015: 168]; перен. рел. ‘ядовитое дерево в аду’ [АСБЯ, 2011–2018: III–634]; тур. *zakkum*.

1.2.3. *Йәсмин* (ар. *ياسمين* *йәсмин*) ‘жасмин, чубушник’; тур. *yasemin*; отмечено в Бабур-наме: *yāsaman* ‘Jasmin’ [Hauenschild, 2006: 65].

1.2.4. *Самишит* (перс. *شمشاد* *самшит*) ‘вечнозеленое медленнорастущее небольшое дерево или кустарник с очень твердой, плотной и тяжелой древесиной’; тур. *şimsir*.

1.2.5. *Сәрхәт кыягы* ‘гребенщик, тамариск, божье дерево, астраханская сирень’; первая часть названия происходит от (ар. *سرحند* *сәрхәт*) ‘простор’, вторая часть исконного происхождения: *кыяк* ‘лист; перо, стрелка (злако-

вых и травянистых растений, лука, чеснока)’, диал. ‘перо птицы’ [АСБЯ, 2011–2018: V–843]; по всей видимости, название происходит по месту произрастания – кустарник распространен в полупустынях и степных зонах.

1.3. Названия цветов и трав

1.3.1. *Зәғфәрән/зәғфәрән* (ар. *زعفران* *зәғфәрән*) ‘шафран’ или ‘крокус’; *зәғфәрән гөлө* ‘шафран’ или ‘крокус посевной’ [ИТС, 2015: 78]; тур. *safran*; очевидно, одно из наиболее ранних заимствований, т.к. встречается в каирском списке Кутатгу-Билиг (первая половина XIV в): ZA’FARAN ‘шафран’ [ДТС, 2016: 676]; отмечено в Бабур-наме: *za’farān* ‘safran’ [Hauenschild, 2006: 65].

1.3.2. *Кәнәфәр* (ар. *قنفل* *кәнәфәр*) ‘гвоздика’ (цветок); в вост. и сакм. говорах имеет фонетический вариант *кәләмфәр*; тур. *karanfil*.

1.3.3. *Миләүшә* (перс. *بنفشه* *банафша/бәнәфшиә*) ‘фиалка’; в лит. баш. и тат. яз. употр. в зн. ‘фиолетовый цвет’; соотв. тат. диал. *меләүши* ~ кумык. *мелевише*, кар. *мәнәвишә*, чаг. *гөнәфшиә*. Ахметьянов возводит перс. *бәнәфшиә* < к форме *vanawša* из пехлеви, а также отмечает, что форма *мәләүши* < *менәүши* происходит из ар. яз. (перс. заимствование, образованное по правилам арабского словообразования) [Ахметьянов, 2004: II–187]; тур. *menekşe*; отмечено в Бабур-наме: *banafša* ‘Violchen’ [Hauenschild, 2006: 22].

1.3.4. *Райхан* (ар. *ريحان* *райхан*) ‘базилик’; ср. тат. *рәйхан* ‘базилик, душистое растение’; Ахметьянов возводит слово к арабскому корню *рwx* со зн. ‘приятный запах’ и считает, что от него же произошли заимствованные в ТЯ лексемы *рәхәт* и *рух* [Ахметьянов, 2004: III–20]; тур. *reyhan*.

1.3.5. *Роуза* (ар. *روضة* *роуза*) ‘роза’; тур. лит. *gül*, тур. диал. *roza gülü* ‘роза’.

1.3.6. *Сәмбөл* (ар. *سبيل* *сәмбул*, *сәмбулах*) ‘гиацинт’, баш. уст. ‘колос’; тат. *сәмбел*, *сәнбел* [сәмбөл, сәнбөл] ‘гиацинт’, перен. ‘кудри красавицы’, кирг. *сәмбул чач* ‘черные кудрявые волосы’ [Ахметьянов, 2004: III–60]; тур. *sümbül*; отмечено в Бабур-наме: *sumbul dirahiti* *Moschuswurz* [Hauenschild, 2006: 58].

Таким образом, в подгруппе растений «Названия плодовых деревьев и их плодов» оказалось 10 наименований, в подгруппе «Названия декоративных деревьев и кустарников» – 5, в подгруппе «Названия цветов и трав» – 6.

2. Особенности диалектных употреблений.

Среди заимствований, имеющих особенности

употребления в диалектах, сложно выделить самостоятельные лексико-семантические подгруппы, т. к. один и тот же заимствованный компонент может употребляться в составе названия разных видов растений (ср. напр. средн. *алкагөл* 'фуксия', средн., дем. *алкалы гөл* 'фуксия' (цветок), *алка үләне* 'повилка' (травя); караид. *шайтан агасы* 'бузина' (кустарник или небольшое деревце), дем. *шайтан арбасы* 'перекати-поле' (травянистое растение), ай. *шайтан мәшкәге* 'мухомор' (гриб). В целом можно отметить, что диалектные фитонимы, содержащие заимствованный компонент, в большинстве случаев являются наименованиями местных диких травянистых растений и комнатных декоративных цветов, произрастающих на территории проживания башкир (в отличие от предыдущей группы слов, являющихся наименованиями растений, произрастающих в теплолюбивом климате и, скорее всего, заимствованных в башкирский и др. ТЯ вместе с понятиями и реалиями). Мы выделили 12 самостоятельных групп названий, объединив их по основному заимствованному компоненту.

2.1. Несколько диалектных названий растений имеют в своем составе слово *алка* 'серьги' (ар. *حلقه* *халқа*): средн. *алкагөл* 'фуксия', средн., дем. *алкалы гөл* 'фуксия' (ар. *حلقه* *алка* 'серьги' + перс. *گل* *гөл* 'цветок') - лит. *тамсы гөл* (баш. *тамсы* 'капля' + перс. *گل* *гөл* 'цветок') 'фуксия'; караид. *алка үләне* (ар. *حلقه* *алка* 'серьги' + баш. *үлән* 'травя') 'повилка' - лит. *кесерткән ебәге*; соотв. тат. *алка* 'серьга; кольцо, шайба; круг (вокруг Луны)', диал. 'крендель' [Ахметьянов, 2004: I–57]. В баш. диал. *алка* образует и др. сочетания, не свойственные лит. яз.: ср. напр. миас. *йозак алкаһы* 'замочная дужка' (лит. *йозак дугаһы*), кызыл. *алкалык* 'мочка уха' (лит. *йәрпесәк*) и др. [ДСБЯ, 2002: 20];

2.2. Большое количество производных слов в БЯ и его диалектах имеет в качестве первого или второго компонента очень распространенное во многих ТЯ слово *гөл* (перс. *گل* *гүл*) 'цветок, декоративное растение': лит. *агас гөл* 'фикус', *алмагөл* 'кирказон обыкновенный', *бакса гөлө* 'крапивка цветная или колеус гибридный', *далагөл* 'наголоватка', *тырнак гөл* 'календула лекарственная или ноготки', *зыягөлө* 'ясколка', *шәфәкгөл* 'оберна, хлопущка', *гөляпрак* 'горичет волжский', *бөзрә гөлнәфис* 'просвирник курчавый' [ИТС, 2015: 7, 28, 42, 60, 62, 69, 162,

168, 174]. Ахметьянов приводит следующие соответствия: тат. *гөл*, чув. *кёл*, мар. *гьль*, *гел*, удм. *гьль* [Ахметьянов, 2004: I–169]. Слово отмечено в Бабур-наме: *gul* 'Edelrose', 'Rosa' [Hauenschild, 2006: 29]. Очевидно, одно из наиболее старых зафиксированных заимствований, встречается в стамбульском списке поэмы Ахмеда Югнекского «Врата истин» (первая половина XIII в): *GÜL* 'цветок, роза' [ДТС, 2016: 208];

Отдельно отметим диалектные особенности названий растений, содержащих этот компонент, отличные от литературных: ик-сакм. *гөлбазран*, *гөлбәзрән* 'зверобой' - лит. *һары мәтрүш* 'зверобой', лит. *гөлбәзыян* 'ясенец (травя)'; минз. *гөлбазран*, *гөлбәзрән* 'рябина' - лит. *миләш* 'рябина'; караид. *гөлбәзейә* 'пижма' - лит. *езтөймә* 'пижма'; диал. *гөл еме*, сал. *гөлийеме*, с-з. *гөлжемеиш* - лит. *гөлийемеиш* 'шиповник'; дем. *гөлсирен* 'сирень' - лит. *күксин* 'сирень'; диал. *гөлсәсәк* 'цветы шиповника' - лит. *гөлийемеиш сәскәһе* 'цветы шиповника' [ДСБЯ, 2002: 74]. Отметим, что отмеченное для минз. *гөлбазран*, *гөлбәзрән* значение 'рябина', в тат. лит. означает *гөлбадрән* 'пижма'. Ахметьянов приводит происхождение слова от перс. *гули бәдран* «айсыман гөл (чәчәк)», отмечая при этом, что, возможно, прежде этим названием именовалось другое растение [Ахметьянов, 2004: I–169].

Приведем подробный анализ двух наименований, содержащих персидский элемент *гөл* (перс. *گل* *гүл*) в качестве второго компонента:

2.2.1. Лит. *гәтеришә гөлө* (перс. *عطريشا* + перс. *گل*) 'вика душистая'; самостоятельно в баш. лит. слово *гәтеришә* употр. в зн. 'духи, эссенция, ароматическая специя' [АСБЯ, 2011–2018: III–316]; соотв. тат. *гатыриша* 'вид духов', 'герань'; Ахметьянов возводит слово *гәтеришә/гатыриша* к сл-соч. (перс. *عطريشا* *гәтри шаһ*), где первая часть *гәтр* арабского происхождения в зн. 'приятный запах' (отсюда ст.-лит. тат. *гәттар* 'парфюмер'), а вторая часть - перс. *шаһ* 'шах' (заимств. во мн. др. ТЯ) [Ахметьянов, 2004: I–166].

2.2.2. Диал. *шәкәргөл* (перс. *شکر* *шәкәр* 'сахар' + перс. *گل* *гүл* 'цветок'), т.е. букв. 'сахарный цветок' - средн. 'березка' (комнатное растение семейства виноградных) - соотв. лит. *кайын гөл* 'березка' [ДСБЯ, 2002: 400]. Баш. *шәкәр* имеет следующие параллели: тат. *шикәр*, мар. *шекар*, уйг. *шәкәр*, др.-тюрк. *šäkär*, *šeker*

[ДТС, 2016: 522]; Ахметьянов отмечает происхождение тюрк. слова от перс. *šākār*, что свою очередь восходит к хинди *sarkara* в зн. ‘беленый сахар’ [Ахметьянов 2015: IV–97]. Образованные в баш. лит. яз. названия дерева *шәкәрле саған* ‘клен сахарный’ и травянистого растения *шәкәрле талүлән* ‘поручейник сахарный’ [ИТС 2015: 209, 216], по всей видимости, следует трактовать как кальки с русского.

2.2.3. Следует отметить, что в самом персидском языке существует порядка ста слов, производных от основы *гүл* (перс. گل), некоторые из них уже в такой готовой форме заимствованы в ТЯ, среди них тоже достаточно большое количество названий растений: баш. диал. *гөләп*, тат. лит. *гөләп* (перс. گلپ) ‘шиповник’ – баш. лит. *гөлйемеш* ‘шиповник’ (Ахметьянов возводит слово к перс. *гүли аб* ‘розовая вода’, отмечая, что сок шиповника издавна считался целебным [Ахметьянов, 2004: I–169]); баш. лит. поэт. *гөлстан* ‘цветущий край’, ‘цветник, сад’, тат. *гөлестан* (от перс. *гүлистан* ‘цветущая страна’); баш. лит. поэт. *гөлбостан* ‘цветник’, ‘цветущий сад’, тат. лит. *гөлбостан* ‘цветник’, ‘цветущая страна’ (от перс. *гүли бустан* ‘заросли цветов’), баш. уст. *гөлзар* ‘цветник’, ‘луг, покрытый цветами’, тат. *гөлзар* (от перс. *гүлзар*) ‘питомник лечебных трав (цветов)’ и др.

2.3. Сакм. *кәндей* (перс. قندی қанди) в зн. ‘кувшинка семян белены’ [ДСБЯ, 2002: 173] – лит. уст. *кәндей* ‘посуда из цельного лубка’; по всей видимости, название произошло на основе метафорического переноса по форме предмета; соотв. тат. *кәнди*, тат. диал. *кандика*, *кәнди* ‘чашечка’, сиб-тат. *кәнт*, чув. *канти*; аз. *kəllə qənd* ‘кусковый сахар’. Ахметьянов возводит слово к перс. *қанди* ‘сахарный, содержащий сахар’; в пчеловодческой лексике употребляется в значении ‘сладость, которую ставят в ульях для пчел’ [Ахметьянов 2015: II–54]. Возможно, соотносится с индо-европ. *sandy* ‘сладости’ (?).

2.4. Диал. *сабыр үләне* – лит. *һаз һазанағы, һазлык һазанағы* ‘багульник болотный’ или ‘болотная одурь’; название происходит от (ар. صبر сабр) *сабыр*, *түземлек* ‘терпение, спокойствие’; баш. лит. *сабыр*, диал. *һабыр* ‘терпение; терпеливый, спокойный, степенный’, мар. *савыр*, чув. *сапър*, удм. *сабър*, морд. *савор* [Ахметьянов, 2004: III–24]. В словаре народных названий растения характеризуется как произрастающее во

влажном месте, вечнозеленое, очень ядовитое с невыносимым запахом, свежие побеги которого издавна используются для приготовления лекарственных препаратов; занесено в Красную книгу [ИТС, 2015: 19]. Возможно, происхождение такого названия в диалектах связано с невыносимым, терпким, удушающим запахом этого растения.

2.5. Арг., миас., средн. *хаж кынаһы* ‘бальзамин’ – лит. *кына гөлө* или *бохар кынаһы* ‘бальзамин’; первая часть слова происходит от ар. *хаж* (ар. حَجَّ хажжэ ‘убедиться, увидев собственными глазами’); слово вошло во мн. языки народов исламского мира в рел. зн. ‘богоугодное посещение Мекки, паломничество’ [Ахметьянов: III–228]. Вторая часть *кына* – это тоже распространенное во мн. языки слово ар. происхождения (ар. حنا) в зн. ‘хна’; слово зафиксировано в [Наджип, 2017: III–408]. Как отмечено выше, в лит. яз. название растения ‘бальзамин’ имеет второе название *бохар кынаһы* (букв. ‘бухарская хна’), очевидно, по месту происхождения; в баш. яз. употребляются и др. названия растений с этим заимствованием, но уже в качестве главного компонента типа *кына үләне* ‘недотрога обыкновенная’ и др.

2.6. Кызыл. *һабын үләне, һабынды үлән*, сал. *һабын силәге* ‘мыльнянка лекарственная’ – лит. *һабын сәскә* ‘зорька обыкновенная’ [ДСБЯ, 2002: 368]; в основе слова баш. лит. *һабын* (от ар. صابون сабун), соотв. тат. лит. *сабын*, тат. диал. *сабынь*, удм. диал. *сабын*, мар. *шавынь, шовынь*, морд. *сапонь* в зн. ‘мыло’. Ахметьянов возводит происхождение слова к булг. *сабын* > чув. *сопайнь* > *супайнь*, что в свою очередь произошло из ст.-тюрк. *сабуни <др.-иран. *соибун* ‘мыльный корень (вид травы, корень которого, вспениваясь, имеет свойство смывать грязь)’ [Ахметьянов, 2004: II–23–34]. Слово получило распространение во многих языках Евразии: араб., перс. *сабун*, латин. *sapo*, фр. *savon*, алт., кирг. *самын*, монг. *сабан* и др. [Федотов, 1996: II–64].

2.7. Ряд диалектных названий фитонимов имеют в составе слово *шайтан* (ар. شيطان шайтан): баш. лит. *шайтан*, тат. *шайтан, шәйтан* ‘черт, сатана, бес’; слово распространено во мн. языках Евразии в зн. ‘враг божества’, ‘злой дух’ [Ахметьянов, 2004: IV–83]. Приведем примеры диалектных употреблений: караид. *шайтан агасы* (букв. ‘чертово дерево’) – баш. лит. *өскат*

‘бузина’ (кустарник или небольшое деревце); дем. *шайтан арбасы* (букв. ‘чертова телега’) – баш. лит. *камгак* ‘перекати-поле’ (травянистое растение); дем. *шайтан көпиәсе*, ай. *шайтан көпиәһе* (букв. ‘чертов стебель’) – лит. *шыма көпиә* ‘дягиль (лекарственное растение). дем. *шайтан кымызлыгы* (*кымызлык* – лит. название растения ‘горец альпийский’ [АСБЯ, 2011–2018: V–735]) – лит. *харына* ‘саранка (растение рода лилии)’; ай. *шайтан мәшкәге* (букв. ‘чертов гриб’) ‘мухомор’ – в баш. лит. употребляется русск. заимств. *мухомор*. Два похожих названия другого гриба, тоже содержащие заимствованные элементы, *иблис бәшмәге* (от ар. *иблис* ‘дьявол, черт’) или *пәрей бәшмәге* (от перс. *бәрей* ‘бес, нечистая сила’) соотв. рус. ‘сатанинский гриб’ и являются кальками с русского (от лат. *Boletus satanas*) [ИТС, 2015: 54].

Примечательно, что литературные соответствия вышеприведенных диалектных названий, содержащих компонент *шайтан*, являются исконными. Исключением из этого ряда является только название растения ‘чертополох’, которое и в диалектах, и в лит. языке образовано изафетной конструкцией, содержащей заимствованное слово: средн. *шайтан дегәнәге* (букв. ‘чертов лопух’), караид. *шайтан карагайы* (букв. ‘чертова сосна’), диал. *шайтан үләне* (букв. ‘чертова трава’) – лит. *шайтан таягы* (букв. ‘чертова палка’) ‘чертополох’ [ДСБЯ, 2002: 389].

2.8. В дем. диал. зафиксировано название растения *шәресултан* ‘ядовитая трава, от которой образуются волдыри на теле’ [ДСБЯ, 2002: 401]; лит. соотв. обнаружить не удалось. Первая часть слова предположительно может восходить к исконному корню *шәре-ү* баш. ‘составиться’, тат. диал. *шәрә-ү*, *шәрәлә-ү* ‘испортиться, протухнуть; покрываться плесенью; мокнуть (от глины)’ [Ахметьянов, 2004: IV–94]. Возможно и образование от корня *шәрә-* ‘голый’ по аналогии с названиями растений *шәрә ергәүек* ‘лабазник обнаженный’, *шәрәһабак тәпәйсә* ‘лапчатка голостебельная’, *шәрәяпрак гөлйемеш* ‘шиповник гололистный’ [ИТС, 2015: 206].

Вторая часть сложного слова, употребляемая самостоятельно в баш. и тат. яз. в форме *солтан* ‘султан, принц’, происходит от ар. (سلطان *султан*); слово заимствовано в перс. и многие др. языки, в т.ч. рус. яз. Ахметьянов, ссылаясь на Бу-

дагова, подчеркивает, что в языке-источнике оно имеет значение ‘верховная власть’ (но не означает личность), а во мн. заимствующих языках встречается в зн. ‘принцесса’, ‘дочь султана’ (т.е. означает лицо женского рода) [Ахметьянов 2015: III–56]. В баш. яз. есть и другое, исконное слово *солтан*, означающее ‘название одного из подразделений башкир племени *кошсы*’ [АСБЯ, 2011–2018: VII–579]; возможно, это вторичное развитие первого значения.

2.9. Одно диал. название содержит компонент перс. происхождения: *шәһәр* (перс. شهر *шәһр*, *шәһр* ‘город’): *шәһәр дараҫы* – дем. ‘лебеда белая’ – лит. соотв. *ак алабута* ‘лебеда белая’ [ДСБЯ, 2002: 402]; баш. диал. *шәһәр* (лит. *кала*) ‘город’ имеет параллели во мн. ТЯ: тат. лит. *шәһәр* ‘город’, тат. ист. ‘область’ и мн. др. Ахметьянов возводит слово к перс. *шәһр*, *шәһр* < авест. *xšādra* < др.-иран. *xšātra* ‘(захваченный) район, страна’ ← *xšī-*, *xšū-* ‘управлять’ (индо-иран.) [Ахметьянов, 2015: IV–95]. Вторая часть сложного слова вполне может быть связана с перс. *дарыу* (перс. دارو) ‘лекарство, зелье’, в таком случае название *шәһәр дараҫы* в букв. переводе означает ‘городское лекарство’.

Три составляющие этой группы лексики являются названиями деревьев:

2.10. Дем. *сынар* (перс. چنار *чәнар*, *чинар*) ‘белый тополь’ – лит. *сынар* ‘чинара’; *ак тирәк* ‘белый тополь’; тат. *чинар* (перс.-тадж. *чәнар*, *чинар*) ‘чинара’ [Ахметьянов, 2004: IV–45]; узб., уйг., турк., аз., тур., тат., каз. *шынар*, калп., ног., кум., алт. *чинара*; в туркм. употр. в виде антропонима, в тур. – топонимическое название; зафиксировано в словаре Наджипа: چنار ЧЫНАР ‘чинара’, ‘платан’; далее у него же отмечено: в др.-уйг. *Ченар чечәк* жен. имя, означающее, по-видимому, ‘стройная, как чинара, девочка-цветок’ [Наджип, 2017: II–345]; слово содержится и в Бабур-наме: *čanār* ‘Morgenländische Platane’ [Hauenschild, 2006: 26].

2.11. Баш. диал. *сәрүи* (ар. سرو *сәрви*) ‘акация’ – лит. *сәрүи* ‘кипарис’; лит. *сәрүәр* (перс. سرور) ‘акация’; Ахметьянов, ссылаясь на Будагова, возводит *сәрви*, *сәрби* для тат. (кн. зн. ‘кипарис’, *перен.* ‘стан красавицы’) к перс. *сәрви* ‘подобный кипрису’, *сәрw* ‘кипарис’ [Ахметьянов, 2004: II–46].

2.12. Диал. *шифан агасы* (перс. شبنان *шәбан*) ‘бузина’ [АСБЯ, 2011–2018: IX–818]; в словаре Ахметья-

нова отмечена лексема *шыпаң, шыбаң *şuraң* с различными диалектными вариантами со ссылкой на словарь [Тумашева, 1992: 252]: тоб. *şybaң, каз. şyfan; шыпаң, шыбаң*, ст.-тат. (Казань) *шыфаң* ‘пустомеля, болтун’ ~ узб. дерив. *шипанда* – ‘говорить ерунду’ чاغ. *сўқбаң, сўқбаңг* ‘поднимать пустой шум’ [Ахметьянов, 2004: IV–106]. Из бузины делают дудочки, а еще щелкают как пузыри ее ягоды: на этом основании можно было бы провести семантическую связь между значениями лексемы *шыфаң* «болтун, пустомеля» и диал. названием дерева *шифан* ‘бузина’ – здесь есть общее семантическое поле со зн. «создавать пустой шум». Отметим, что такое название этого растения есть только в диалектах, в лит. баш. яз. ему соотв. *мәрүәр* *مراوړ* ‘бузина’.

В плане словообразования следует обратить внимание на то, что названия цветов и травянистых растений представляют собой либо сложные слова, одним из компонентов которых является арабо-персидский, другим – либо тоже заимствованный, либо исконный, а также изафетные конструкции, в основном второго типа с аффиксом принадлежности. Названия деревьев как в первой, так и во второй группе слов заимствуются в виде готовых однокорневых основ.

3. Фитонимы, в составе которых употребляются наименования мусульманских святых, их имена собственные и другие антропонимы

3.1. Вост. диал. *бәйгәмбәр тырнагы* (букв. ‘ногти пророка’) ‘ноготки, календула’, от перс. (перс. *پيغمبر* *пейгамбар*) в зн. ‘пророк’, в баш. лит. яз. имеет фонетический вариант *пәйгәмбәр тырнагы* с глухим в анлауте; заимствованная часть конструкции имеет соотв. в др. языках Поволжья: чув. *пихампар, пихемпер*, мар. *пиамбар, пиамбер* ‘пророк; божество – помощник верховного бога’; в чув. ‘повелитель волков’; слово восходит к иран. *пдйда, пейда* ‘появившийся’ [Ахметьянов 2015: III–8].

3.2. Гайн. *гатифа жим* (букв. ‘пища Гатифы’) ‘просвирник’ – лит. *бесәй табаны* (букв. ‘кошачьи лапки’) ‘просвирник приземистый’ [ДСБЯ, 2002: 76]; персонаж с именем *Фатифа/Фатифә* (ар. *عاطفة*) предположительно может иметь отношение к суфийским легендам (по аналогии с примерами из п. 3.9), однако точных указаний на это нам обнаружить не удалось; есть упоминание, что трава с таким названием

используется для заговаривания болезней [Хисамитдинова, 2010: 60]. Скорее всего, *Фатифа* – это имя некой святой, обладающей целительной силой, что и дало название растению.

3.3. Средн.-урал. *ғәйшә сәйе* (букв. ‘чай Гайши’) ‘чай луговой’ – лит. *болон сәйе*; диалектное название растения представляет собой конструкцию с использованием антропонима *Ғәйшә* (как известно, это имя одной из жен мусульманского пророка Мухаммеда). В исламской традиции *Ғәйшә* и *Фатима* (жена и дочь пророка) считаются святыми, покровительницами женщин, больных и детей [Хисамитдинова, 2010: 82]; растение является лекарственным и используется в народной медицине.

3.4. Два названия растений в лит. БА образованы от лексемы *зәһрә* (ар. *زهرة* *zuhra*): *зәһрә сәсе* ‘вид травянистого растения’ и *зәһрә аусыһы* ‘насекомоядное растение’ [АСБЯ, 2011–2018: III–623]. Как известно, лексема *Зәһрә* вошло во мн. ТЯ в зн. ‘планета Венера’, в некоторых употр. в качестве антропонима. В самом языке-источнике используется в зн. ‘цветок’, ‘свечение’ происходит от корня *zhr* ‘светиться, сверкать’ [Ахметьянов 2015: I–213]. В баш. мифологии имя *Зәһрә* (Зухра) связано с легендой о том, что девушка-сирота с таким именем была поднята на небо месяцем и стала звездой [Хисамитдинова, 2010: 97]. В таком контексте, по всей видимости, правильнее было бы связывать происхождение названия *зәһрә сәсе* (букв. ‘волосы Зухры’) скорее от антропонима, чем от названия небесного тела. Фитоним *зәһрә аусыһы* ‘насекомоядное растение’ [АСБЯ, 2011–2018, III: 623] имеет более точное название ‘венераина мухоловка’ [ИТС, 2015: 244] и, скорее всего, является калькой с русского.

3.5. Ряд названий фитонимов содержит в своем названии араб. *мулла* (ар. *ملا* *mawla*) – слово, заимствованное во мн. языки мусульманского мира в зн. ‘мулла (глава прихода и мечети)’: кызыл., средн., сакм. *муллабаши* (букв. ‘голова муллы’), тук-соран. *мулла салмасы*, дем. *мулла салмасы* (букв. ‘чалма муллы’) ‘одуванчик’ – лит. *бәнембә* ‘одуванчик’ [ДСБЯ, 2002: 237]; очевидно, название возникло на основе метафорического переноса: как известно, в культурных традициях некоторых стран мусульманский священнослужитель носит на голове круглую чалму белого цвета.

Два диалектных названия выражены конструкцией *молла үлане* (букв. ‘трава муллы’): с.-з. ‘зверобой’ – лит. соотв. *һары мәтрүш* [ДСБЯ, 2002: 233], а также дем., с.-з. *мулла үлане* ‘тысячелистник’ – лит. *меңъянпрак* [ДСБЯ, 2002: 237]. Оба растения относятся к лекарственным, по всей видимости, они употреблялись муллами в лечебных целях (как известно, в старину мулла часто выполнял, помимо основных еще и функции целителя), откуда и получили свои названия.

3.6. Ср.-урал. *мәрийәманә*, мias. *мәрийәманә күз йәше* ‘герань’ (букв. ‘слезы матери Марии’) – лит. *торна бото* ‘герань’ [ДСБЯ, 2002: 241]; имеет параллели в др. ТЯ, напр. тат. *Мәрийәманә яфрагы (гөле)* ‘герань (комнатное растение)’. Происхождение названия связано с легендой о том, что на это растение падали кровавые слезы девы Марии, поэтому оно имеет красноватые листья. Ахметьянов считает, что названия, содержащие в составе имя девы Марии, восходят к тому периоду истории, когда часть кыпчакских народов исповедовали христианство, в частности, в тат. диал. *маржә, маржәбикә* (букв. ‘госпожа Мария’) (*Маржәм ана* ‘дева Мария’ (букв. ‘Мария-мать’) означает ‘божья коровка’ (семь черных точек на спине этого насекомого означает семь печалей девы Марии), проводится параллель с нем. *Marienkäfer* ‘божья коровка’ [Ахметьянов 2015: II-182]. В баш. лит. яз. лексема *мәрийәманә* (в слитном написании) самостоятельно употребляется в зн. ‘иерехонская роза’, а также является общим названием семейства колокольчиковых [АСБЯ, 2011–2018: VI-482]. В арг. говоре есть еще одно созвучное название травянистого растения *мәрийә сасы* (букв. ‘волосы Марии’) – соотв. лит. *кылган* ‘ковыль’, однако мы склонны считать, что это название происходит от рус. Мария (в ряде говоров и в разг. яз. антропоним стал нарицательным и лексема *мәрийә* употр. в зн. ‘русская женщина’).

3.7. Средн. *мәрийән агасы* или *мәрьям агасы* ‘бузина красная’ – лит. *өска́т* ‘бузина’; ик-сакм. *мәрийән агасы* или *мәрьям агасы* ‘паслен’ – лит. *бүре еләге* ‘волчья ягода’ [ДСБЯ, 2002: 241]; как и предыдущие, эти названия связаны с культом девы Марии, ср. средн. тат. *Мәржән агачы* (по Ахметьянову, более ожидаемой была бы форма *Мәржәм агачы*) ‘бузина красная’ [Ахметьянов, 2004: II-182]. Другие (параллельные) вариан-

ты названий этих растений *мәрийән агасы* (средн. ‘бузина красная’ и ик-сакм. ‘волчья ягода’) имеют в составе слово *мәрийән*, которое происходит от (ар. *مرجان* *мәржән*) ‘коралл, коралловый’, ‘бусина, бусы’ – здесь скорее всего имеет место метафорический перенос по внешнему признаку цвета и формы ягод.

3.8. Средн. *салауат йемеше* (букв. означает ‘ягода Салавата’) ‘белена’ – лит. *тилебәрән* ‘белена’; в лит. баш. *салауат* употребляется в зн. ‘хвалебная молитва’, а также используется в качестве антропонима в баш. и тат. яз.; восходит к ар. (*سَلَوَاتٌ* *sälāwat*) ‘восхваление бога; осанна’; кырг. *салабат, салават* ‘величие, духовное величие, способность забывать зло’ [Ахметьянов, 2004: III-31]. Мы склонны связывать диалектное название этого растения скорее с антропонимом, нежели с его апеллятивным значением, по аналогии с выше рассмотренными *гәйшә сәйе* ‘чай Гайши’, *зәһрә сәсе* ‘волосы Зухры’, *гәтифа жим* ‘пища Гатифы’ и т. д. В ряде говоров *салауат* образует аналогичные изафетные конструкции со зн. ‘радуга’, отличные от баш. лит.: тук-соран., средн. *салауат күпере* (букв. ‘мост Салавата’), сакм. *салауат юлы* (букв. ‘дорога Салавата’) – лит. соотв. *йәйгөр* ‘радуга’ [ДСБЯ, 267];

3.9. Лит. *сөләйман мөһөрө* (ар. *سليمان*) – ‘водяное растение, относящееся к семейству лилейных’; образовано, подобно предыдущему названию, от антропонима *Сөләйман* (ар. *سليمان*) и букв. означает ‘печать Сулеймана’; возможна связь с известным библейским персонажем Сулейман / Соломон; в баш. и тат. яз. имеется и сходное название рыбы – *сөләйман балыгы* ‘лосось’, однако Ахметьянов считает сомнительным, что оно может иметь отношение к пророку Сулейману [Ахметьянов, 2004: III-60]. Наиболее вероятным нам представляется связать происхождение этого названия с суфийской легендой, которая повествует о том, как шах Сулейман Бақыргани был проклят Аллахом, вследствие чего после смерти его могилу накрыло водой. В трудах историков возникновение такой легенды обосновывается вполне реальным историческим событием – изменением русла реки Амурдагы после разрушения плотин во время монгольского нашествия в 1221 г. [Бартольд, 1965]. Впрочем, имя библейского царя Соломона, согласно коранической традиции, тоже в некоторой степени связано с водой: в ра-

боте О. А. Сухаревой отмечено, что «по мусульманскому поверью, его трон висел над водой» [Сухарева, 1975: 47]. В этом же исследовании говорится, что с водой связана некая *Сулаймон-пари* (*су лабига утурган Сулаймон-пари*), такая связь могла установиться по созвучию первого слова имени *Сулаймон* с узбекским *су* – вода (см. подр. об этом [Хисамитдинова, Экба, 2020: 111–129]). Обобщая, можно сказать, что так или иначе, имя *Сулейман* как в мусульманской традиции, так и в доисламской мифологии прочно ассоциируется с водой, поэтому нам кажется вполне логичным соотносить названия *сөләймән мөһөрө* ‘водяное растение’ (букв. ‘печать Сулеймана’) и *сөләймән балыгы* ‘лосось’ (букв. ‘рыба Сулеймана’) с одноименным персонажем. Подтверждение этой версии находим и в Мифологическом словаре БЯ: «*Сөләймән* – дух воды, водяной; *сөләймән мөһөрө* – водное растение, являющееся в мифологии цветком водяного» [Хисамитдинова, 2010: 268].

3.10. Дем. *хәмзә йыуаҫы* (букв. ‘лук Хамзы’) ‘лук косой’ – лит. *оҫкон йыуаҫы* ‘лук косой’ [ДСБЯ, 2002: 367]; *Хәмзә* (ар. *همزة*) – имя коранического персонажа, одного из ближайших сподвижников мусульманского пророка Мухаммеда, его младший дядя и молочный брат, известен как покровитель слабых и обездоленных. В качестве антропонима в разных фонетических вариациях (*Хамза*, *Хәмзә*, *Хамзат*, *Хамзет* и др.) слово используется во многих языках Поволжья, Средней Азии и особенно Кавказа (подр. см. [Справочник, 1987: 48–231, 323–382]). Вторая часть составного названия *йыуа* употр. в баш. лит. яз. в двух значениях – как общее название дикорастущих луковичных растений и как мифологизированное растение, имеющее отпугивающую силу, как и все острые на вкус растения (используют как отпугивающее средство от болезней и нечистой силы) [АСБЯ, 2011–2018: IV–240]. В сакм. говоре образовано и другое производное слово: *хәмзәбармак* ‘безымянный палец’ (букв. ‘палец Хамзы’) – соотв. лит. *сыганаҡ бармак* ‘безымянный палец’ [ДСБЯ, 2002: 367].

4. **Антропонимы и их корреляция с фитонимами в башкирском языке.** Некоторые названия растений, как и многие арабо-персидские заимствования других лексико-тематических групп, функционируют в качестве антро-

понимов. Для данной группы лексики это в основном женские имена, производные от персидского корня *гәл* (перс. *گل* *гүл*) ‘цветок, декоративное растение’: *Гөлбөстан* ‘цветник’, ‘цветущий сад’, *Гөлзар/ Гөлзәр* ‘цветник’, ‘луг, покрытый цветами’, *Гөлийемеш* ‘шиповник’ и мн. др. Вышеприведенные имена происходят от фитонимов, заимствованных из языка-источника сразу в качестве сложных слов.

Огромное количество женских имен образовано от персидской основы *гүл* путем присоединения к ней либо исконного, либо арабо-персидского заимствованного компонента уже в принимающем языке: *Гөлжан* (перс. *гүл* ‘цветок’ + ар. *джан* ‘душа’) ‘цветок души’, *Гөлжәннәт* (перс. *гүл* ‘цветок’ + *дженнәт* ‘рай’) ‘райский цветок’, *Гөлнара* (перс. *гүл* ‘цветок’ + ар. *нар* ‘гранат’) ‘цветок граната’, *Гөлнур* (перс. *гүл* ‘цветок’ + ар. *нур* ‘свет’) ‘светящийся цветок’, *Гөлзада* (перс. *гүл* ‘цветок’ + перс. *заде* ‘царевна’) ‘царевна цветов’, *Гөлназирә* (перс. *гүл* ‘цветок’ + перс. *назирә* ‘всевидающая’) ‘всевидающий цветок’, *Гөлсәсәк* (перс. *гүл* ‘цветок’ + тюрк. *сәсәк* ‘цветок’) ‘цветок шиповника’, *Гөлсирен* (перс. *гүл* ‘цветок’ + рус. *сирень*) ‘цветок сирени’ и мн. др. (см. полный список башкирских имен [Справочник, 1987: 98–113]). Такой вид словообразования для антропонимов является очень высокопродуктивным и во многих других ТЯ.

Среди прочих названий цветов и трав женскими собственными именами в баш. яз. являются *Миләүшә* (перс. *بنفشه* *бәйнәфшә/ бәйнәфшә*) ‘фиалка’, *Рауза* (ар. *روضة* *руза*) ‘роза’, *Райхана* (ар. *ريحان* *рәйхан*) ‘базилик’, ‘душистое растение’ и *Сәмбөл* (ар. *سمبول* *сумбул, сумбулаһ*) ‘гиацинт’. В качестве антропонимов также употребляются названия деревьев *Сәрүәр* (перс. *سرو* *сару*) ‘кипарис’ или ‘акация’ и *Зәйтүнә* (ар. *زيتون* *зәйтун, зәйтун*) ‘олива’. Как отмечено в [Ахметьянов, 2004: II-46], *сәрүәр* для тат. лит. языка имеет перен. зн. ‘стан касавицы’ и восходит к перс. *сәрви* ‘подобный кипарису’. Имя *Зәйтүнә* Ахметьянов трактует как «*Кытай гүзәле*» ‘китайская красавица’, отмечая, что в прежние времена китайские девушки считались особенно красивыми [Ахметьянов, 2004: I–210].

Упомянув антропонимы в контексте исследуемой нами тематики, следует отметить, что име-

ет место и обратный процесс, когда название растения происходит от имени собственного. К таким случаям отнесена большая часть наименований, приведенных в 3-й части статьи: *гати́фа жим* (букв. ‘пища Гатифы’) ‘просвирник’, *га́йша са́йе* (букв. ‘чай Гайши’) ‘чай луговой’, *зо́һрә са́се* (букв. ‘волосы Зухры’) ‘вид травянистого растения’, *хамза йыуа́сы* (букв. ‘лук Хамзы’) ‘лук косой’ и т. д. В таких названиях, представляющих собой изафетные конструкции различного типа, в качестве зависимого компонента идет нарицательное существительное, а в качестве основного – имя собственное какого-либо значимого мусульманского деятеля, святого или мифического персонажа. Такого рода наименования в подавляющем большинстве случаев оказались характерными только для диалектов.

IV. Заключение. Таким образом, в ходе исследования мы постарались максимально полно отобрать фитонимы арабо-персидского происхождения в башкирском языке и его диалектах, зафиксированных в словарях, распределить их по лексико-тематическим группам, произвести сравнительный анализ диалектных названий с литературным башкирским языком, для большинства лексем привести соответствия с языками из других групп тюркских языков (карлукскими и огузскими), финно-угорскими и монгольскими языками. Для большей части лексем удалось провести этимологический и диахронический анализ.

На основе проведенного исследования удалось выделить три самостоятельные группы названий растений:

1) фитонимы, употребляемые только в литературном языке и не имеющие диалектных соответствий; эта группа подразделена на три более мелкие лексико-тематические подгруппы: а) названия плодовых деревьев и их плодов, б) названия декоративных деревьев и кустарников, в) названия цветов и трав. С большой долей вероятности можно предположить, что все эти названия пришли в башкирский (и, скорее всего, в другие тюркские языки) через книжные источники. Косвенно об этом свидетельствует и отсутствие этих названий в диалектах;

2) фитонимы, названиями которых в диалектах являются арабо-персидские заимствования, а в литературном языке им соответствуют наименования исконного происхождения (исключе-

нием из этого ряда является только одно название растения ‘чертополох’, которое и в диалектах, и в литературном языке образовано изафетной конструкцией, содержащей арабское заимствование). Следует отметить, что в большинстве случаев это названия трав и травянистых растений, произрастающих на традиционной территории расселения башкир, а также комнатных декоративных цветов, исключениями стали только три названия деревьев;

3) фитонимы, в составе которых употребляют-ся наименования мифических персонажей, мусульманских святых, их имена собственные и другие антропонимы – удалось выявить 10 таких конструкций; большинство подобных названий характерны только для диалектов и имеют параллельные соответствия исконного происхождения в баш. лит. языке; они, безусловно, связаны с влиянием как мусульманской религии, так и с древними языческими обрядами и очень перекликаются с наименованиями духов-хозяев в башкирской мифологии (подробнее об этом см. [Хисамитдинова, Экба, 2020: 111–129]).

Подобная классификация представляется нам наиболее правильной для этой лексико-тематической группы заимствованной лексики, в дальнейшем с большой долей вероятности будет возможным применить ее и для других лексико-тематических групп арабо-персидских заимствований.

Что касается хронологических рамок проникновения арабо-персидских названий растений в ТЯ, то можно отметить следующее:

1) наиболее рано зафиксированы заимствованные лексемы *алу* (перс. *آلۄ* *алу*) ‘алыча / алычовый’ (отмечено у Махмуда Кашгарского (XI в.) и *гал* (перс. *گل* *гул*) ‘цветок’, ‘декоративное растение’ (встречается в стамбульском списке поэмы Ахмеда Югнесского «Врата истин» (первая половина XIII в.);

2) вхождение названий деревьев *тут* (ар. *توت* *тут*) ‘тутовое дерево’, ‘шелковица’ и *сынар* (*чинар*) (перс. *چنار* *чйнар*, *чинар*) ‘чинара’ условно можно отнести ко второй половине XIV в. – эти лексемы отмечены в памятнике «Хосроу и Ширин» Кутба; примерно к этому же периоду относится название *зэгфәрән* / *зэгфәрән* (ар. *زعفران*) ‘шафран’ или ‘крокус’, оно встречается в каирском списке Кутадгу-Билиг (памятник датируется временем не позднее первой половины XIV в.);

3) наибольшая часть названий из всех, которые нам удалось обнаружить в памятниках, отмечены в тексте «Бабур-Наме» (конец XV – начало XVI вв.): *анар* (перс. *نار* *нар*) ‘гранат’, *миләүшә* (перс. *بنفشه* *банафша/бәнәфшә*) ‘фиалка’, *хөрмә* (перс. *خرما* *хурма*) ‘финик / финиковый’, *шафталы* / *шәфтәлө* (перс. *شفتالو* *шафтал*, *шафтали*) ‘персик / персиковый’, *сәмбөл* (ар. *سمبول* *сумбул*, *сумбулаһ*) ‘гиацинт’, *йәсмин* (ар. *يوسمين*) ‘жасмин, чубушник’ и *зәйтүн* (ар. *زيتون* *зәйтун*, *зәйтун*) ‘оливковое дерево’. Очевидно, они являются более поздними, послемонгольскими заимствованиями, т. к. в более ранних памятниках их обнаружить не удалось. В «Бабур-Наме» также встречаются и зафиксированные для более ранних текстов названия: *әлә* (перс. *آلة* *әлә*) ‘алыча’, ‘слива’, *гәл* (перс. *گل* *гүл*) ‘цветок’, ‘декоративное растение’, *сынар* (*чинар*) (перс. *چنار* *чәнар*, *чинар*) ‘чинара’, *тут* (ар. *توت* *тут*) ‘тутовое дерево’, ‘шелковица’, *зәғфәрән/зәғфәрән* (ар. *زعفران*) ‘шафран’ или ‘крокус’.

Можно с большой долей вероятности предположить, что и другая небольшая часть названий, характерная для башкирского литературного языка (рассмотренная нами в первой части работы), но не обнаруженная в этих памятниках, может быть отнесена к периоду не позднее XV–XVI вв., т. к. практически все эти наименования совпадают для кыпчакских и огузских языков. Таким образом, подтверждается версия о книжном пути заимствования той части лексики, которая характерна только для литературного языка.

Отдельно следует заметить, что среди названий растений, содержащих арабский или персидский компонент в своем составе, довольно много таких, которые являются кальками с русского языка: *шифалы ромашка* (от перс. *шифа* ‘польза’) ‘ромашка лекарственная’, *гәжәп вельчавка* (от ар. *гәжәп* ‘удивление’) ‘вельчавка удивительная’, *выкытһыз үлән* (от ар. *вакыт* ‘время’) ‘безвременник прекрасный’ или ‘безвременник великолепный’, *дарыулы тимер үлән* (от перс. *дарыу* ‘лекарство’) ‘вербена лекарственная’, *йәнүлән* (от ар. *йән* ‘душа’) ‘душевка’, *зифа мамыкбаи* (от ар. *зифа* ‘стройный, тонкий’) ‘пушица стройная’ [ИТС, 2015: 44, 55, 56, 57, 71, 89] и мн. др. Такие названия мы намеренно не включали в список рассматриваемых фитонимов, так как они не являются пря-

мыми заимствованиями, а пришли в башкирский язык через русский в основном из латыни.

Принятые сокращения:

Общие:

букв. – буквальный перевод
дер. – дериваты
диал. – диалектное
др. – другие
зн. – значение
ист. – историческое
кн. – книжное
лит. – литературное
лит. яз. – литературный язык
мн. – многие
напр. – например
перен. – переносное
подр. – подробно
поэт. – поэтическое
разг. – разговорное
рел. – религиозное
сл.-соч. – словосочетание
см. – смотри
соотв. – соответствие
ср. – сравните
ст.-лит. – старо-литературное
употр. – употребляется
уст. – устаревшее
яз. – язык или языки

Языки и диалекты:

аз. – азербайджанский
авест. – авестийский
алт. – алтайский
ар. – арабский
баш. – башкирский
булг. – болгарский
др.-иран. – древнеиранский
др.-тюрк. – древнетюркский
индо-евр. – индоевропейский
каз. – казахский
к-балк. – карачаево-балкарский
кирг. – киргизский
лат. – латинский
мар. – марийский
минз. – минзелинский говор тат. языка
монг. – монгольский
морд. – мордовский
нем. – немецкий
перс. – персидский
рус. – русский
сиб.-тат. – сибирскотатарский

ст.-тат. – старотатарский
ст.-тюрк. – старотюркский
тат. – татарский
тоб. – тобольский диалект тат. языка
тув. – тувинский
тур. – турецкий
ТЯ – тюркские языки
узб. – узбекский
удм. – удмуртский
уйг. – уйгурский
фр. – французский
чаг. – чагатайский
чув. – чувашский

Диалекты и говоры башкирского языка:

Восточный диалект:

ай. – айский говор
арг. – аргаяшский говор
кызыл. – кызыльский говор
миас. – миасский говор
сал. – сальютский (сальзигутский) говор

Южный диалект:

дем. – демский говор
ик-сакм. – ик-сакмарский говор
иргиз. – иргизский говор
сакм. – сакмарский говор
средн. – средний говор
тук-соран. – тук-соранский говор

Северо-западный диалект:

гайн. – гайнинский говор
караид. – караидельский говор
нижнебельск. – нижнебельский говор
ср.-урал. – среднеуральский говор
танып. – таныпский говор

Дополнительные источники:

АСБЯ – Башкорт теленең академик һүзлеге (Академический словарь башкирского языка) в 10 томах. Уфа: Китап, 2011–2018.

Ахметьянов Р.А. Этимологический словарь татарского языка (в 4 томах). Бирск: Бирск. гос. пед. ин-т, 2004.

Бейешев Ә.Ф. Башкорт телендә йөрөгән ғәрәп һәм фарсы һүззәре (Биишев А.Г. Арабские и персидские слова, употребляемые в башкирском языке). Уфа: изд. ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. 140 с.

БРТС – Большой русско-турецкий словарь. (Въуьк Русза-Търксе сүзлүк). М.: Русский язык, 1998. 680 с.

ДСБЯ – Башкорт теленең диалекттары һүзлеге (Диалектологический словарь башкирского языка). Уфа: Китап, 2002. 432 с.

ДТС – Древнетюркский словарь (изд. второе, пересмотренное). Астана: «Ғылым» баспасы, 2016. 760 с.

ИТС – Усманова М.Г., Исянгулова Г.А., Хайретдинов С.С. Идеографический толковый башкирско-русско-латинский словарь народных названий растений в башкирском языке. Синонимы. Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. 263 с.

МК – Диван Лугат ат-Турк Махмуда Кашгарского. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с. + 2 с. вкл.

Наджиб Э.Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. (На материале «Хосроу и Ширин» Кутба). В 4-х книгах. Астана: «Ғылым» баспасы, 2017. Кн. I. 366 с.; Кн. II. 372 с.; Кн. III. 452 с.; Кн. IV. 620 с.

Справочник личных имен народов РСФСР [Под ред. А.В. Суперанской]. М.: Русский язык, 1987. 655 с.

Тумашева Д.С. Словарь диалектов сибирских татар. Казань: изд-во Казанск. университета, 1992. 356 с.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х т. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. Т. 1. А-Р. 470 с. Т. 2. С-Я. 509 с.

Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 456 с.

Экба З.Н. Башкирско-русский словарь слов арабского и персидского происхождения. Уфа: Китап, 2004. 208 с.

Tietze A. Tarihi ve Etimolojik Türkiye Türkçesi Lugatı. Sprachgeschichtliches und etymologisches Wörterbuch des Türkei-Türkichen. Istanbul-Wien: Simurg, 2002.

Список литературы:

Бартольд В.В. Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века // Сочинения. В 9 т. М.: Изд-во вост. лит., 1963–1968. Т. III. Работы по исторической географии. 711 с.

Норманская Ю.В. Географическая локализация прародин тюрков по данным флористической лексики // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов [Отв. ред. А.В. Дыбо]. М.: Вост. лит., 2008. С. 119–154.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика [Отв. ред. Э.Р. Тенишев]. М.: Наука, 1997. 799 с.

Сухарева О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии [Отв. ред. Г.П. Снесарев, В.Н. Башилов]. М.: Наука, 1975. С. 5–93.

Хисамитдинова Ф.Г., Экба З.Н. Наименования духов-хозяев в башкирской мифологии // Урал-алтайские исследования. 2020. № 3 (38). С. 111–129. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-38-3-111-129

Хисматова А.Р. Дендронимы в башкирском и немецком языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005. 21 с.

Шайхулов А.Г. К методике выявления мотивирующих признаков номинаций в семантических микросистемах фитонимов // Лексика тюркских языков в сравнительно-историческом аспекте: материалы конференции. Казань, 1986. С. 100–124.

Шайхулов А.Г. Мотивирующие основы в названиях растений татарского и башкирского языков // Татарская лексика в семантико-грамматическом аспекте. Казань, 1988. С. 107–114.

Ягафарова Г.Н. Исследование тематических групп (ономасиологический подход). Уфа: ООО «Деловая династия», 2008. 128 с.

Hauenschild I. Botanica und Zoologica im Babur-name. In: TURCOLOGICA. Band 66 (Herausgegeben von Lars Johanson). Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 2006. Pp. 1-66.

References:

Bartold V.V. Svedeniya ob Aral'skom more i nizov'jah Amudar'i s drevnejshih vremjon do XVII veka [Details of the Aral Sea and Lower Amu Darya from Ancient times to the 17th century]. *Sochinenija* [Works]. In 9 vols. Vol. 3. *Works on historical geography*. Moscow: Publ. oriental literature, 1965. 711 p. (In Russian)

Hisamitdinova F.G., Jekba Z.N. Naimenovanija duhov-hozjaev v bashkirskoj mifologii [The names of local spirits in Bashkir mythology]. *Uralo-altajskie issledovanija* [Ural-Altaic Studies]. №3 (38). 2020. Pp. 111-129. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-38-3-111-129 (In Russian)

Hismatova A. R. *Dendronimy v bashkirskom i nemeckom jazykah* [Dendronyms in Bashkir and German]. Cand. Sci. (Phylology) dissertation abstract. Ufa, 2005. 21 p. (In Russian)

Ingeborg Hauenschild. *Botanica und Zoologica im Bābur-name* [Botanica and Zoologica in Bābur-name]. In: TURCOLOGICA. Vol. 66 (Herausgegeben von [edited by] Lars Johanson). Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 2006. Pp. 1-66. (In German)

Jagafarova G.N. *Issledovanie tematiceskikh grupp (onomasiologicheskij podhod)* [A research on thematic groups (onomasiological approach)]. Ufa: Publ. in "Business dynasty", 2008. 128 p. (In Russian)

Normanskaya Yu.V. Geograficheskaja lokalizacija prarodiny tjurkov po dannym floristicheskoi leksiki [Geographical localization of the ancestral homeland of Turks according to the floral vocabulary]. *Prirodnoe okruzenie i material'naja kul'tura prattjurkskih narodov* [The natural environment and material culture of Proto Turkic peoples]. Executive editor: A.V. Dybo. Moscow: Publ. in Oriental literature, 2008. Pp. 119-154. (In Russian)

Shajhulov A.G. K metodike vyjavlenija motivirujushhih priznakov nominacij v semanticheskikh mikrosistemah fitonimov [On methodology for the identification of motivating criteria of nomination in semantic microsystems of the plant names]. *Leksika tjurkskih jazykov v sravnitel'no-istoricheskom aspekte: Materialy konferencii* [Vocabulary of the Turkic Languages in comparative and historical context]. Conference data. Kazan, 1986. Pp. 100-124. (In Russian)

Shajhulov A.G. Motivirujushhie osnovy v nazvanijah rastenij tatarskogo i bashkirskogo jazykov [Motivating bases in the names of plants in the Tatar and Bashkir Languages]. *Tatarskaja leksika v semantiko-grammaticheskom aspekte* [Tatar vocabulary in semantic and grammatical context]. Kazan, 1988. Pp. 107-114. (In Russian)

Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Leksika [Comparative historical grammar of Turkic Language. Lexis]. Executive editor: E.R. Tenishev. Moscow, 1997. 799 p. (In Russian)

Suhareva O.A. Perezhitki demonologii i shamanstva u ravninnyh tadjikov [The throwbacks of demonology and shamanism of the lowland Tajiks]. *Domusul'manskije verovanija i obrjady v Srednej Azii* [Pre-muslim beliefs and rites in the Central Asia]. Executive editor: G.P. Snegarev, V.N. Basilov. Moscow: Science Publ., 1975. Pp. 5-93. (In Russian)

Сведения об авторах:

Экба Зарема Назировна – к.ф.н., н.с. отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН; г. Москва, Российская Федерация;

<https://orcid.org/0000-0002-7300-1392>;
zaremaekba@iling-ran.ru

Information about the author:

Ekba Zarema Nazirovna – Cand. Sci. (Philology), Research Fellow of the Department of Ural-Altaic Languages of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Moscow, Russian Federation;

<https://orcid.org/0000-0002-7300-1392>;
zaremaekba@iling-ran.ru